

ЕКАТЕРИНА ВАСИНА
АННА СЕЛИНА

НЕТ, ДЕТКА,
ЭТО – ФАНТАСТИКА!

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В19

Составитель серии *Алексей Бобл*

Иллюстрация на переплете *Ирины Кругловой*

Васина, Екатерина.

В19 Нет, детка, это — фантастика! / Екатерина Васина, Анна Селина. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Любовь и Магия).

ISBN 978-5-699-89732-2

Будьте осторожнее с желаниями — они имеют свойство сбываться.

Вот так бывает — встретишь идеального во всех отношениях мужчину, а он переворачивает твою жизнь с ног на голову. Лиза всегда хотела выйти замуж за богатого и успешного. А когда встретила такого человека, то влюбилась по уши, словно ее околдовали. Ведь ко всему прочему ее избранник оказался еще и умным, заботливым и невероятно привлекательным. Не мужчина — мечта! Но тогда почему самая близкая подруга прямо заявляет о том, что у их отношений нет будущего? Да и все остальные вокруг начинают вести себя, мягко говоря, странно. Все, включая ее любимого. И может, «околдовали» — это ключевое слово в их отношениях?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Васина Е., Селина А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016

ISBN 978-5-699-89732-2

То был ли признак возрождения?
Он слов коварных искушенья
Найти в уме своем не мог...
Забывать? — забвенья не дал бог:
Да он и не взял бы забвенья!

М.Ю. Лермонтов, «Демон»

Пролог

15 июня 1911 года, Кавказ, город Пятигорск

— ...И один маленький камень, очень горячий, похожий на уголек, упал с небес возле дома большой и бедной семьи. От удара он раскололся на несколько частей, и они остались лежать, а земля вокруг них нагрелась, как печка. Утром люди вышли на улицу и увидели осколки небесного камня, — голос рассказчицы звучал мерно и негромко, навевая сон. — Люди взяли осколки в руки и стали разглядывать. Острыми краями некоторые из них порезались, и тогда к ним в кровь проник яд опасных существ из другого мира.

— Из волшебного, — послышался сонный голос семилетней Анны. — А яма была большая? Как здесь, в Пятигорске?

— Из волшебного, — согласилась мать. — Нет. Яма была маленькая. — И она продолжила рассказывать сказку, которую в детстве слышала от прабабки. — Яд попал внутрь людей и изменил их. Превратилась та семья в страшных существ, пьющих людскую кровь и боящихся дневного света. Лишь младший сын не брал небесные кам-

ни в руки, а потому остался прежним и смог убежать подальше, спрятавшись в замке волшебников. Шли годы. Чудовищ становилось больше. Их стали называть вампирами. Днем они прятались в гробах, а ночью выходили и нападали на людей. Многих они перебили: села за селами, города за городами...

Пятилетний Иван охнул едва слышно, и мать успокаивающе коснулась рукой его макушки, продолжая:

— Пока однажды не встали защищать род людской волшебники, среди которых был и младший сын. Они сражались храбро и умело. Выигрывали битву за битвой. И наконец истребили мерзких чудовищ. Перебили всех до единого, чтобы маленькие детки могли спать и не бояться темноты. А осколки небесного камня младший сын спрятал, чтобы больше никто не смог превратиться в чудовище.

Молодая женщина замолчала. Конец сказки она изменила — когда ее рассказывала прабабка, то выходило, будто несколько вампиров выжили, затаились и стали прятаться от волшебников, чтобы творить свои беззакония в ночи. И с тех времен стали охотиться на них волшебники, ища в темноте адских приспешников, пьющих кровь.

Только детям незачем это знать.

Бабка много таких сказок знала и все рассказывала их Лизоньке. Про бабку поговаривали опасно, что ведьма она и цыгане у нее в роду есть, но все это было глупыми сплетнями.

— Мама, а расскажи еще сказку, — зевнув, попросила Анна. — Про принцесс и драконов...

Та согласилась. Лишь спустя полчаса она закончила. В прохладной полутьме детской спальни слышалось сонное дыхание троих детей. Поправив одеяла, Елизавета провела рукой по волосам самой младшей — двухлетней Агнии — и тихо вышла, прикрыв дверь.

— Лизонька, — послышался голос Федора Ивановича. — Ты уложила детей, душа моя?

— Уложила. — Елизавета заглянула в комнату мужа. Тот уже устроился на кровати, с местной газетой в руках, которую не успел прочитать после обеда. На двадцать лет старше ее, Федор Иванович в последнее время мучился изжогой и периодическими болями в животе, и врач посоветовал ему подлечиться на курорте в горах Кавказа. Так что уже больше месяца они всей семьей жили здесь, наслаждаясь великолепным воздухом. И дом сняли просторный, с четырьмя комнатами и большой гостиной, на тихой, спокойной улице, в стороне от Елизаветинского источника. Сбоку к дому примыкал великолепный яблоневый сад. Его ветви по ночам скреблись в окна столовой и кухни, первое время пугая детей.

— Гувернантку ведь выписали, а ты утруждаешься, — с легкой укоризной покачал головой Федор Иванович. В супруге он души не чаял.

— Мне нравится с детьми проводить время, — отвечала та. — Нетрудно их спать уложить.

— А сама ты, Лизонька, спать ложишься?

— Закончу с вышиванием и лягу сразу. — Молодая женщина странно посмотрела на мужа, уже сильно поседевшего, грузного, но очень доброго и отзывчивого человека. Елизавета вышла замуж

за него в восемнадцать лет, чтобы спасти семью от полного банкротства. Вышла, руководствуясь не чувствами, а практичностью. Но со временем привыкла и если не полюбила мужа, то испытывала к нему огромное уважение и привязанность.

Именно поэтому она не пойдет сегодня в сад.

Оказавшись в своей спальне, Лиза оперлась руками о светлый туалетный столик и внимательно взглянула на отражение в большом овальном зеркале в причудливой раме. Оттуда на нее смотрела молодая женщина с черными густыми волосами, уложенными в строгую прическу. Большие синие глаза выделялись на чуть уставшем, но красивом еще лице с высокими скулами и яркими губами. Домашнее скромное платье великолепно сидело на фигуре, которая ничуть не испортилась после рождения троих детей.

— Ты не пойдешь в сад, — прошептала одними губами Лиза своему отражению. То печально посмотрело в ответ, словно сомневалось в этом. Но сегодня женщина собиралась сдержать слово. Устроившись перед зеркалом, она медленно распустила волосы, тяжелыми густыми прядями падавшие на грудь и плечи. Зачем-то провела ладонью по бледной щеке и чуть прикрыла глаза.

Невыносимо.

Сна не было ни в одном глазу. Сначала помогла отвлечься вышивка, затем — томик Лермонтова, чтение его в сим месте не было лишено некоторой пикантности. Но чем ближе подходила стрелка к заветной отметине на настенных часах, тем тоскливее становилось. Тем сильнее хотелось в сад, к нему. И ничего уже не помогало.

Хозяйка комнаты попыталась заснуть. Не получилось.

— Элиза-а-а... — легкий шепот, почти неслышимый, невесомый, влетел в приоткрытое окно вместе с ночным ветром. Лиза резко открыла глаза и вздрогнула, чувствуя, как тело отзывается на встречу искушающему шепоту. Ветер скользнул по ее щеке, и ей тотчас припомнилось, как ее гладит тот, кто ждет в саду.

— Нет, — она почти до крови прикусила себе губу, — нет, я не пойду к тебе!

Ветер принес новую порцию шепота, в котором было обещание наслаждения. Задрожав, Лиза закрыла уши руками и зажмурилась. Но даже тогда не получилось отгородиться от того властного зова, который звучал где-то в голове. В какой-то момент ей показалось, что за спиной кто-то стоит. Едва не вскрикнув, женщина обернулась. Конечно, никого в спальне не оказалось, но это было уже неважно. Ненавидя себя, всхлипывая без слез, она крадучись прошла к двери кухни и вышла в сад.

Там стояла тишина, пропитанная запахами травы, ночи и порока. Да-да, с некоторых пор Лиза ощущала его темный притягательный аромат, понимая, что падает все ниже и ниже. Туда, откуда нет выхода.

И женщина сошла с крыльца, впиваясь пальцами в ладони, стискивая зубы и ненавидя свою слабость.

Полная луна освещала сад, делая тени еще более мрачными и зловещими. Одна из них, в отдалении, чуть шевельнулась и превратилась в высокий силуэт широкоплечего мужчины.

Поздний гость с улыбкой подошел к ней, осторожно, с нежностью, поцеловал дрожащую руку и произнес негромко по-французски:

— Элиза, ты не хотела встречи? В чем дело?

— Я... — Она замолчала, не в силах продолжить, и сцепила пальцы в замок. Одно лишь легкое прикосновение его губ к ее запястью — и она натянула, как струна, готовая вот-вот порваться.

— Продолжай, — велел ей мужчина. Темноволосый, красивый, статный, одет безукоризненно, с иголки. Идеальный. Только неправильно это все, грязно! Но почему же так и тянет коснуться его, поцеловать, прижаться к широкой груди?

В немигающих зеленых глазах его отражались отблески фонарей, и Лиза опустила голову. Ей казалось, чем больше она смотрит в эти глаза, тем больше хочет повиноваться любому его желанию.

Мужчина, однако, двумя пальцами взял ее за подбородок и мягко приподнял вверх.

— Что случилось, Элиза? Говори. Ты можешь сказать мне все. — Его бархатный голос обволакивал. Этому голосу можно было доверять. А внимательному взгляду — поведать все.

Женщина тяжело вздохнула, приложив руки к высокой груди, которую не скрывал простой покрой платья.

Как бы ни было тяжело, она должна сказать. Она больше не может это продолжать!

И после своих прощальных слов ни минуты не останется в саду.

— Мы больше не можем продолжать наши встречи, — сказала она срывающимся голосом. —

Это неправильно. Отвратительно. Грешно. Каждая ночь с тобой — чудесна. Но я словно душу тебе продала. Днем я себя ненавижу. Места не нахожу. Не могу мужу в глаза смотреть.

Луна укоризненно смотрела на Лизу с черничного неба.

— Ошибаешься, — мягко сказал мужчина, делая шаг вперед, теперь они стояли друг против друга неподобающе близко. Лиза по привычке оглянулась по сторонам — вдруг кто увидит? Позора не оберется ни она, ни ее благочестивый супруг, ни дети.

Дети... Дети остались в доме, спят под образами, а она стоит в саду с любовником, в простом платье, с распущенными волосами, трепетно бьющимся сердцем, которое того и гляди вот-вот вырвется из груди. И думает не о своих крошках, а о чужом мужчине, чужестранце-католике, который пленил ее поцелуями и объятиями.

— Ошибаешься, моя милая Элиза, — произнес мужчина, склоняясь и едва касаясь своими губами ее губ, словно играя. — Как любовь может быть грешной?

Легкая шаль упала с плеч на землю.

Одной рукой ночной гость обнял Лизу за талию, второй провел по ее шее, которую особенно любил ласкать, изредка оставляя на нежной белой коже следы страсти — молодая женщина потом стыдливо их прикрывала. Его пальцы остановились на впадинке у ключицы, а после вольно двинулись вниз, к груди, очерчивая круги.

— Прекрати, не нужно, — попыталась остановить его Лиза, чувствуя, как от легких прикосно-

вений подкашиваются ноги. Еще немного — и она вновь будет готова на все.

— Твое тело говорит об обратном. — Он целовал ее шею: не спеша, едва касаясь губами, но вскоре поцелуи его становились все напористее. Наутро опять следы остаться могут...

— Вдруг увидят? — с отчаянием проговорила Лиза, сдаваясь.

— Нас никто не увидит, любовь моя, — отвечал мужчина, словно понимая, что творится с его любовницей; более того, и сам он наслаждался происходящим.

Его прикосновения становились все настойчивее и настойчивее, шепот, опаляющий кожу, — все жарче. Мужчина склонился и коснулся губами ее груди, лаская сквозь ткань платья. Лиза не выдержала и запустила руки ему в волосы, прижимая к себе, а после жарко поцеловала, обхватив горячими ладонями его лицо.

Она сама расстегнула лиф платья, заставив наблюдающего за ней мужчину закусить губу от удовольствия.

— Ты прекрасна, — восторженно прошептал он.

Вновь подул ночной ветер, и мраморная кожа молодой женщины покрылась мурашками. Мужчина поспешил согреть ее своим дыханием и губами. Она лишь гладила его по волосам, подаваясь вперед, цепляясь пальцами в плечи...

Поцелуй продолжился и был долгим и опьяняюще-страстным.

— Пожалуйста, — едва слышно, сквозь прерывистое дыхание, проговорила Лиза, и не понятно

было, просила она остановиться или продолжить, отпустить ли юбку или же задрать еще выше.

— Ты — моя, — прошептал ночной гость, вновь проводя влажными губами по ее шее и то нежно, то страстно, почти до боли, целуя обнаженную тяжелую грудь. Податливое тело Лизы окончательно предало хозяйку, посылая острые вспышки удовольствия в низ живота.

— Так... Так нельзя... — Против воли она обхватила любовника за сильные плечи, вдыхая запах горьковатой французской туалетной воды и чего-то еще, возбуждающего и пьянящего, как изысканное вино.

— Со мной можно все. — Этой фразой мужчина поставил точку в разговоре.

Лиза запрокинула голову, встречаясь с ним взглядом. Увидев полыхавшее в глубине зеленых, сейчас почти черных глаз нетерпение и жажду, она едва слышно простонала и расслабилась, больше не пытаясь вырваться из его объятий. Лишь сильнее откинула голову назад, подставляя шею, обнаженные плечи и грудь под его поцелуи. Легкие укусы добавляли остроты ощущениям, словно пряная специя. А тело уже налилось тем самым томным жаром, который с каждым движением мужчины становился все сильнее, требуя выхода.

— Я в тебе, любовь моя, — его голос ласкал ее ухо. — Отныне я — часть тебя. А ты — моя. И всегда будешь моей.

Острый, сильнее обычного, укус заставил Лизу на мгновение замереть, а затем вонзить ногти в спину любовника, прижимавшего ее к дереву.

Его требовательные губы накрывали ее — мягкие и податливые, выпивая крики, не давая им вырваться наружу.

Болезненное острое наслаждение оказалось коротким мигом. А дальше было лишь опустошение, неприятное, тянущее. словно вместе с яркой вспышкой страсти Лиза отдала зеленоглазому любовнику небольшую часть себя. Продолжая находиться в объятиях мужчины, так как ноги все еще подкашивались, женщина понимала, что вновь проиграла. Каждый раз она собиралась разорвать их порочные отношения, и каждый раз он не позволял ей. Ласками, сводящими с ума, нежностью и темным очарованием, которое не отпускало ее ни на минуту.

— Мне пора, муж может начать волноваться.

— Я уже предлагал тебе уехать со мной. — Мужчина большим пальцем провел по припухшим от поцелуев губам Лизы. — Можем сделать это прямо сейчас. И ты будешь со мной. Вечно.

Женщина вздрогнула: то ли от свежего ветра, коснувшегося обнаженной спины, то ли от его слов. В них не было и намека на шутку.

— Я не брошу детей и мужа. — Она отстранилась, хотя это потребовало от нее огромных, просто нечеловеческих усилий. — Пожалуйста, не приходи больше, не мучай меня.

— Не могу, прости. Это выше моих сил. — Он не сводил с нее внимательного взгляда. — Я все равно заберу тебя, Элиза, когда придет время.

Расстались они после долгого чувственного поцелуя, в котором странным образом смешались и нежность, и желание, и страх.

Мужчина с неохотой отпустил Лизу, глядевшую на него совершенно большими глазами и стыдливо поправлявшую юбки. Он точно знал — она не прочь повторить еще и еще, да и он тоже. Однако времени больше нет.

Но скоро он наверстает упущенное.

— Будь в саду завтра, — велел зеленоглазый. И, видя, с каким страдальческим выражением лица смотрит женщина на виднеющийся за ветвями дом, спросил вкрадчиво: — Ты любишь меня, Элиза?

— Больше жизни, — против воли отвечала та и, вспомнив вновь своих детей, пустилась прочь, зажав рот ладонью, чтобы не слышно было ее всхлипов.

Ее таинственный любовник смотрел вслед и тонко улыбался. Ее слезы нравились ему на вкус. И губы — тоже, и кожа...

И кровь.

Лиза, не зная мыслей того, от которого была без ума, кралась к крыльцу, прячась в тени ветвистых деревьев, как какой-нибудь вор. Укус на шее слегка саднил, губы припухли от поцелуев, а сердце все еще отчаянно колотилось и требовало вернуться назад, к любимому. Но сделать этого женщина не могла. Все, что она могла сейчас, — незамеченной вернуться в спальню и забыться тревожным сном, дабы забыть обо всем. А наутро начать все сначала и все-таки выиграть. Не приходиться больше в сад. Уехать, уехать быстрее из этого места! И чтобы никогда больше не встречаться!

Уже в тихом спящем доме Лиза вдруг поняла, что обронила в саду легкую шаль, в которую кута-